

ХВАЛА ИЛИ ХУЛА

(К СПОРАМ О СТИХОТВОРЕНИИ А. С. ПУШКИНА «НАПОЛЕОН»)

У малочисленных народов настолько силен инстинкт выживания, что они всегда настороже, всегда готовы сплотиться и дать отпор. С другой стороны, этот же инстинкт выживания заставляет их с гордостью и заботой относиться к своим гениям. Видимо, России как великому многочисленному народу нужны сильные потрясения, утраты, даже поражения, чтобы осознать и почувствовать боль этих поражений и утрат. Почувствовать очень остро, но не сразу, а спустя какое-то время. Вспомним Смутное время, вспомним войну с Наполеоном, вспомним Вторую мировую войну. Поляки в Москве, французы в Москве, отдана немцам почти вся европейская часть России. Нужна была встряска, череда поражений, чтобы возник единый порыв, возникла вера в свое великое предназначение. Знаменательно, что именно Пушкин увидел эту связь между поражениями, утратами, потрясениями и грядущим величием. В стихотворении «Наполеон» 1821 года, написанном после того, как поэт узнал о кончине великого полководца, есть такие удивительные строки:

Хвала! он русскому народу
Высокий жребий указал...¹

«Всепрощение» Пушкина и его готовность «рукоплескать» врагу России до сих пор вызывают недоумение. Так, в упрек поэту эти строки готов был поставить А. А. Любищев, автор статьи «Понятие великого государя и Иван Грозный»: «Несмотря на слова Пушкина: „Хвала! Он русскому народу / Высокий жребий указал...“, нельзя назвать Наполеона великим деятелем по отношению к России, так как в намерения его входило не возвысить Россию, а унижить ее».²

Ошибочно также полагать, что речь идет только о великодушии победителя к побежденному, на которое способны лишь благородные души. Так считал Полевой, который, защищая Пушкина от возможных упреков, писал: «Но, может быть, не всякий обращал на них полное свое наблюдение, не всякий понял, например, то высокое благородство, с каким Пушкин приветствовал тень Наполеона. Еще до сих пор на могиле великого человека раздаются вопли близорукого мщеника; мнимое усердие к отечеству до сих пор бросает еще грязью в незыблемый истукан бессмертного; до сих пор, и в стихах, и в прозе, и в истории, и в мнимо патриотических романах, Наполеона представляют нам каким-то Пугачевым или много если Тамерланом и Аттилою. А Пушкин, в самые минуты Наполеоновой кончины, смело говорил ему, угадывая голос потомства и бессмертия Наполеона».³

На такое великодушие, незлобивость и, если хотите, толерантность, был способен даже малограмотный «шмельцер», автор «Похвальных стихов русского воинства»:

Токмо наши побеждают,
Токмо школят всех врагов,

¹ Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 16 т. М.; Л., 1947. Т. 2. Кн. 1. С. 216.

² Любищев А. А. Понятие великого государя и Иван Грозный // Звезда. 1995. № 8. С. 123.

³ Полевой Н. А. «Борис Годунов». Сочинение Александра Пушкина // Полевой Н. А. Очерки русской литературы. СПб., 1839. Ч. 1. С. 168—169.

А скажи пардон, прощают,
Росс всегда бывал таков.⁴

При этом, конечно, не стоит забывать: то, что дозволено в стихах, не всегда было дозволено на поле боя, и вовремя произнесенное слово «пардон» мало кого спасало. Платов с гордостью писал, что его казачки в плен не берут, а Кутузов был в ужасе от того, что творили с французами крестьяне.

Однако те две строки в пушкинском стихотворении, которые, на мой взгляд, заслуживают особого внимания, говорят нам не только о великодушии, но и о необъяснимой, казалось бы, благодарности целого народа человеку, который принес этому народу неисчислимые бедствия. И только Пушкин обратил внимание на то, что, одолев противника, считавшегося непобедимым, и освободив завоеванные им страны Европы, Россия *впервые* в своей истории ощутила себя двигателем мировых событий. Этого ощущения не могло быть во время победоносных войн, которые она вела при Петре I и Екатерине II. Именно с этого момента, когда Россия поверила в свое великое предназначение, началась новая эпоха в ее отношениях с Западом. Именно поэтому, несмотря на разрушительные последствия наполеоновского нашествия, русский народ может испытывать к Наполеону благодарность.

Однако не стоит обольщаться: гораздо более традиционные чувства, со звучные переживаниям если не большинства, то во всяком случае значительной части наших соотечественников, выражал В. В. Капнист, автор пространный «Видения плачущего над Москвой россиянина 1812 года октября 28 дня».⁵ Главный урок, который следует вынести из этих испытаний — это пагубность «западной скверны», «чужеземной заразы», занесенной в Россию реформами Петра I:

Теперь, нещастьем наученны,
Отвергнем иноземный яд:
Да злы беседы отравленны
Благих обычаев не тлят;
И на стезю склоняся праву,
Лишь в доблести прямую славу,
Существенну поставим честь,
Престанем чуждым ослепленьям
Развратам и предубежденьям
Подобострастно дани несть.⁶

Многие образцы русского красноречия, в том числе стихи, посвященные Наполеоновским войнам, предшествовавшим «русской кампании», были своеобразным предвосхищением грядущих побед.

⁴ См. датированный 1807 годом список из архива журнала «Русская старина» (ИРЛИ. Ф. 265. Оп. 3. Ед. хр. 49. Л. 3). Текст куплетов в несколько отличающейся редакции первоначально был опубликован в книге «Дух россиян, или Сердечные чувства сибирского плавильного мастера Усердова и запорожского казака Твердовского, изображенные стихами по случаю победы, одержанной над Бонапартием 14 декабря 1806 года» (СПб.: Типография Ивана Глазунова, 1807).

⁵ Беловой автограф «Видения плачущего над Москвой россиянина 1812 года октября 28 дня» см.: ИРЛИ. Ф. 122. Ед. хр. 9. Л. 2—10. Впервые опубликовано по черновому и беловому автографам одновременно А. А. Веселовским (Русский библиофил. 1912. № 5. С. 5—15) и Н. П. Канонькиным (Известия II Отд. Имп. Академии наук. 1912. Т. XVII. Кн. 4. С. 93—109). Как сообщает Канонькин, стихотворение было послано императрице Елизавете Алексеевне и А. С. Шишкову для прочтения Государю.

⁶ Цит. по: Русский библиофил. 1912. № 5. С. 15.

После отступления французов из Москвы этот мотив станет общим местом. Особенно показателен в этом смысле высочайший рескрипт на имя главнокомандующего в Москве, написанный А. С. Шишковым и датированный 11 ноября 1812 года: «Уже обращенный в бегство неприятель предал на посечение тыл свой, льет кровавые токи по следам своим. Глад и смерть текут за ним. Быстрота стоп не помогает ему. Долгота пути приводит его в отчаяние. Россия видит сие, и в скорости с радостью увидит вся Европа. И так, хотя великолепную столицу Нашу пожрал насытый огонь, но огонь сей будет в роды родов освещать лютость врагов и нашу славу; в нем сгорело чудовищное намерение всесветного обладания, приключившее толико бедствий всему роду человеческому и приготовлявшее столько же зол предбудущим родам. Россия вредом своим купила свое спокойствие и славу быть спасительницею Европы».⁷

Знаменательно, что этими же днями (8 ноября — 29 октября по ст. ст.) датируется приказ Кутузова по армии, написанный совершенно другим слогом и проникнутый заботой не столько о том, что впереди, как во времени, так и в пространстве, сколько о том, что сам главнокомандующий, его генералы, офицеры и солдаты оставляют сзади: «Идем вперед! с нами Бог; пред нами разбитый неприятель, за нами да будет тишина и спокойствие!»⁸

Война давно закончилась величайшей в истории России победой, умер в изгнании Наполеон, и в 1836 году один из героев 1812 года Денис Давыдов писал Пушкину, воспевавшему победителей в своих стихах: «Спасибо и тебе, и Вяземскому и за Наполеона, и за то, что вы по Наполеоньски (Так!) отломали бока этой шайки ярыжных писателей, которые вмешиваются не в свое дело и судят и рядят о благопристойности, о которой они не имеют понятия».⁹

Остается добавить, что пушкинские строки, которые, на мой взгляд, заслуживают особого внимания, с полным основанием можно отнести и к самому Пушкину. Но в этом случае они прочитываются иначе и обращены не к полководцу, а к поэту, который указал «высокий жребий» русской словесности. Во время Наполеоновских войн трудно было предположить, что уже в 1880-е годы в Париже, а вскоре и во всем мире Россия будет признана законодательницей моды в области литературы. Русские оказались талантливыми и благодарными учениками не только на поле боя.

⁷ Главнокомандующим в Москве был в 1812 году граф Ф. В. Ростопчин. Рескрипт написан А. С. Шишковым, который именуется «Рескриптом Главнокомандующему в Москве Графу Ростопчину о призрении разоренных Московских жителей» (см.: Краткие записки адмирала А. Шишкова, веденные им во время пребывания его при блаженной памяти государе императоре Александре Первом в бывшую с французами в 1812 и последующих годах войну. СПб., 1832. С. 62).

⁸ Цит. по: Анекдоты или достопамятные сказания о его светлости генерал-фельдмаршале князе Михайле Ларионовиче Голенищеве-Кутузове Смоленском. Начиная с первых лет его службы до кончины, с приобщением некоторых его писем. СПб., 1814. Ч. 2. С. 64. Исторический приказ о завершении разгрома врага и об активном преследовании его главнокомандующий русской армией М. И. Кутузов подписал 8 ноября 1812 года в Ельне.

⁹ Письмо Д. В. Давыдова к А. С. Пушкину о знакомстве с Н. А. Дуровой от 10 августа 1836 года (ИРЛИ. Ф. 244. Оп. 2. Ед. хр. 57. Л. 3).

Русская литература

№ 3

Историко-литературный журнал

2012

Издается с января 1958 года

Выходит 4 раза в год

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
О. В. Сливницкая. Неожиданное в мире закономерного: «вдруг» у Льва Толстого . . .	3

К 200-ЛЕТИЮ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1812 ГОДА

Письма Д. В. Давыдова к А. И. Чернышеву 1813 года (вступительная заметка, перевод, подготовка текста и комментарии Н. Л. Дмитриевой)	16
Письма Д. В. Давыдова к А. И. Михайловскому-Данилевскому (1815—1837) (вступительная статья, подготовка текста и комментарии И. В. Кошценко)	26
В. Е. Багно. Хвала или хула (к спорам о стихотворении А. С. Пушкина «Наполеон»)	70

ПРОБЛЕМЫ ТЕКСТОЛОГИИ

А. Г. Гродецкая. Текст «Воскресения» в реконструкции Н. К. Гудзия (принципы, проблематика, итоги)	73
--	----

ПУБЛИКАЦИИ И СООБЩЕНИЯ

И. В. Федорова. Апокрифы и исторические предания в русской паломнической литературе XII—XIX веков: 1. Апокрифы о Крестном древе	88
К. Н. Лемешев. К вопросу об источниках «Риторики» М. В. Ломоносова	107
М. Ю. Степина. К атрибуции критических отзывов о Н. А. Некрасове (1840-е годы)	123
К. А. Баршт. «Птица», но не «ворон степной» Макара Алексеевича Девушкина («Бедные люди» Ф. М. Достоевского)	132